

Оли Сильвинд

МИНДАЛЬ ЛЮБИТ ЯБЛОКИ

Городское фэнтези

Оли Сильвинд

Миндаль любит яблоки

«Автор»

2024

Сильвинд О.

Миндаль любит яблоки / О. Сильвинд — «Автор», 2024

Есения каждый день дарит окружающим маленькие чудеса и не представляет своей жизни без магии. Но однажды талисман, дающий ей силу, похищают. Вместе с Анджеем - скрытным мрачным парнем, тоже потерявшим свой дар, и его волчицей Агатой, Есении придется отправиться на поиски утраченной магии и сделать ужасный выбор.

© Сильвинд О., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Об украденных жвачках и военныхботинках.	5
Глава 2. О маленьких кафе и красных пятнах.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Оли Сильвинд

Миндаль любит яблоки

Глава 1. Об украденных жвачках и военных ботинках.

В очереди перед кассой шумно. Глаза разбегаются от множества жвачек в разноцветных обертках. Девочка долго смотрит на упаковки. Ее глаза боковым зрением цепляют кассира – уставшую от работы (и в целом от жизни) женщину, которая уставившись ненавидящим взглядом в монитор, не замечает ничего вокруг себя.

Девочка оглядывается на очередь. Сзади – скучающая девушка из тех, что можно встретить в парке с настоящей печатной книгой на коленях. Ее почему-то очень легко там представить, даже несмотря на то, что она постоянно поглядывает в телефон. Девочка нервно поводит плечами. Большеглазый котенок-брелок на ее рюкзаке слегка подпрыгивает.

Она осторожно вытаскивает несколько упаковок жвачки и опускает их в карман, сохраняя невозмутимый вид. Расплатившись, девочка отходит от кассы нарочито медленно, будто ничего не произошло.

- Подождите! – окликают ее сзади. Она поворачивается. На секунду сердце замирает, будто собирается остановиться совсем.

Книжная девушка сзади нее с улыбкой протягивает глянцевый пакетик с черным молотым перцем.

- Вы оставили.

Девочка пересекается с ней взглядом и замирает, не в силах оторвать взгляда от ее глаз. В душе вспыхивает резкий, чужеродный страх.

Заметила.

Она заметила.

Девочка негнущимися пальцами забирает пакетик. Практически бегом она спускается с крыльца и засовывает руку в карман, перехватив бутылку с молоком.

В кармане рука встречает только ключи от дома и окружающую их пустоту.

Книжная девушка высыпает на кассовую ленту горку упаковок жвачки и под удивленным взглядом кассирши начинает раскладывать их по полкам.

В парке разгар осени. Оранжевые листья, влекомые ветром, падают в лужи, задерживаются на поверхности воды, как корабли маленьких эльфов. Один из них запутывается в каштановых волосах книжной девушки.

Она встряхивает рюкзак, заставляя лямки лечь ровнее и бодро шагает дальше, наступая на лужи. От внезапного вторжения листья-корабли покачиваются, но не тонут.

Девушка поудобнее перехватывает новую, только что купленную книгу. Похитительница жвачек была права – в ее глазах было что-то, что выдавало ее любовь к чтению. Возможно, спокойная мечтательность и слегка сведенные в тягучей грусти брови? Или, может быть, невидящий взгляд в пустоту. Словно она не здесь, а где-то в придуманных, несуществующих мирах.

Короткие, вьющиеся на концах волосы дополняют впечатление, заставляя щеки казаться круглее. От этого выражение лица кажется бесконечно наивным. Пушистый кардиган с небольшой нашивкой в виде кролика, выбивающийся из-под расстегнутой куртки только усиливает ощущение мягкости.

Она погружена в себя настолько глубоко, что даже не замечает, что легкие кеды уже полностью промокли. Ее волнует маленькая воровка.

Девушка никогда еще не встречала воров – по крайней мере, она так думает. Но в тот момент, когда они встретились глазами, ей стало не по себе. Взгляд у девочки был холодным и не по-детски пронизывающим.

На секунду ей даже показалось, что она увидела еще что-то темное за ее зрачками, но это ощущение было мимолетным.

Если маленькая девочка, ворующая в магазинах выглядит так – то как же должно быть страшно смотреть на убийц?

Ее внимание привлекает движение в траве, и взгляд тут же становится осмысленным. Небольшая белка, по виду – явный неуклюжий беличий подросток – сосредоточенно раскапывает лапами землю. Девушка останавливается. Ее рука будто бы непроизвольно касается широкого плетеного браслета. Указательный палец проводит по металлической подвеске с выбитой на ней руной.

Время не пощадило подвеску: она настолько исцарапана, что узор едва виден, но пальцы девушки безошибочно повторяют его очертания. Она знает этот рисунок наизусть – начертила бы даже если бы ее разбудили среди ночи.

Поверх необычного браслета есть еще один. Узкий, с мелким плетением, свободный настолько, что болтается на руке. Бабушкин подарок.

- Ничего ведь не случится, если я тебе немного помогу, правда? – заговорщически шепчет девушка в сторону белки.

Белка на это реагирует философски, то есть никак, разрывая лапами опавшие листья. В этом парке белок можно назвать как угодно, но не дикими животными. Они настолько привыкли к людям, что уже не обращают на них внимания. Иногда выбегают на дорожки и носятся по ним, играя в догонялки. Бывает, даже обгоняя случайных людей, прогуливающихся по парку.

Девушка мнется, а потом решительно встряхивает волосами. Пылающий оранжевым лист медленно опускается на мокрый асфальт дорожки.

- Ладно, бабушка все равно не узнает! – убеждает девушка сама себя и, прикоснувшись к руне снова, шепчет что-то одними губами.

Белка перестает копать и замирает в удивлении. Девушка присаживается на корточки и раскрывает ладонь, на которой выросла небольшая горка орехов. Белка подбегает к ней и встает на задние лапки, с подозрением обнюхивая протянутую руку. Впрочем, она быстро сдается, принимая подарок судьбы. В этом плане животные гораздо умнее людей. Они не спрашивают «почему» или «за что». Для них существует лишь внезапно свалившееся на голову счастье, которое нужно быстро хватать, пока не исчезло.

Белка разгрызает пару орехов и лезет обследовать ее рукав. Девушка ссыпает оставшиеся орехи на землю и отодвигается. Она осторожно достает телефон и делает пару фотографий, стараясь не спугнуть зверька. Белка кое-где смазана от резких движений, но Есении фото нравятся.

Только когда кучка орехов иссякает, переключившись в запасы зверька, она встает и уходит. По пути она срывает пару почти покрасневших кленовых листьев.

Конечно же, она оглядывается, но белки больше не видно.

Вернувшись домой, она очень тихо прикрывает за собой дверь. Бесшумно переобувается, сжимает в руке горсть осенних листьев и осторожно, на цыпочках, крадется к своей комнате

мимо закрытой двери. Она не издает ни звука. Пол тоже не выдает ее присутствия, но из комнаты все равно раздается требовательный голос:

- Есения, зайди ко мне.

Девушка обиженно вздыхает, как ребенок, пойманный на месте преступления. Она позволяет ляжкам рюкзака соскользнуть, перехватив его, и заглядывает в комнату.

- Да, бабуль?

В комнате темно, как и всегда. Окна закрыты плотными шторами, душащими любой лучик света, осмеливающийся сюда проникнуть. Нос щекочет пряный запах каких-то трав. Есении всегда было интересно, что это за травы, но бабушка секретов не раскрывала, предпочитая улыбаться многозначительной улыбкой. Она всегда так делает, когда не хочет о чем-то говорить – притворяется, что просто не услышала. На шкафу, на зеркале, на обоях в мелкий, истершийся от времени цветочек – повсюду мелькают алеющие в темноте руны. Однажды Есения попыталась выведать у бабушки, не кровь ли это, на что получила довольное хмыканье и совсем не волшебное признание: «Красный маркер». Больше вопросов Есения не задавала, чтобы не разрушать ведьминское очарование бабушкиной комнаты.

Бабушка поправляет на плечах сползшую шаль. Она поворачивает голову к Есении, будто бы ища ее взглядом, но это лишь видимость. Бабушка абсолютно слепа с тех пор, как когда-то, давным-давно, получила свою особую силу.

- Ты принесла? – взволнованно спрашивает она. Узловатые морщинистые пальцы перебирают кружево шали.

Есения расслабляется.

- Конечно. Все как ты просила.

Она присаживается на корточки перед бабушкой и протягивает ей слегка помятые апельсиновые листья. Пальцы бабушки оживают, касаясь шероховатой поверхности с множеством жилок. Поглаживают неровный край листа.

- Клены уже апельсиновые...? – задумчиво говорит она в пустоту. – Хорошо...

Есению не удивляет, что бабушка знает цвет листьев. Да, она не могла видеть глазами, но это никогда не мешало ей знать обо всем, что происходит перед ней. Дар *видеть* – тяжелый дар. *Видящие* знают о многих вещах, сокрытых от остальных, но неизменно платят за это чем-то ценным. Зрение. Возможность ходить. Слух. Мало ли у человека ценностей, принадлежащих ему с рождения.

Есении эта сделка кажется заведомо нечестной. Видящие даже не могут колдовать. Они могут лишь указать на почти погасшую надежду в человеческом сердце.

Разве это честно – не иметь возможности лицезреть этот прекрасный мир, получая взамен лишь способность понять, кто нуждается в помощи?

Есения выжидает пару минут и начинает подниматься, но рука бабушки неожиданно сильно вцепляется в ее запястье.

- Вот скажи на милость, и зачем тебе сдалась эта белка?

«Влипла», - обреченно думает Есения. «Снова целый час лекцию слушать...»

Конечно, она понимала, что дома ее отчитают, но ведь бельчонок был такой милый! Для бабушки это наверняка не аргумент. У нее множество правил, и первое, самое главное из них – «не тратить силу на ерунду». Бабушка твердила это с того момента, когда впервые рассказала ей о волшебном даре, передающемся в семье из поколения в поколение.

Средоточием его был талисман – рунический браслет. По рассказам бабушки, его сплел первый владелец силы, чтобы передать дар своей дочери.

Маленькой Есении магический дар казался сказкой. Затаив дыхание, она слушала бабушкины истории, глядя на колыхающееся пламя свечи и вдыхая запах трав. Подумать только, стоит лишь пожелать, и желание тут же исполнится!

В каком же она была восторге, когда наконец-то получила долгожданный дар!

- Я знаю, бабушка, - поспешно проговорила Есения. – Это было ужасно неправильно, магию не стоит использовать по пустякам, да и вообще я безответственная и не понимаю, для чего мне это дано. Я просто не понимаю, зачем нам дана сила, если ее нельзя использовать, чтобы помочь *тому, кому хочешь*, а не *кому нужно*. Разве той продавщице помощь была нужна больше, чем бельчонку?

Бабушка молча выслушала ее тираду. Лишь ноздри ее тонкого, удивительно аристократического носа мелко подрагивали.

- Если я увидела, что сегодня ты должна помочь ей – значит, да, именно *ей* была нужна помощь. Или ты будешь спорить?

Есения вздохнула, вскидывая на нее погрустневшие глаза.

- Я не понимаю, почему так.

Пальцы бабушки успокаивающе погладили ее по руке. Талисман привычно нагрелся, ощутив силу Видящей.

- Ты идеалистичный ребенок, Есения.

- Я не ребенок. Мне уже семнадцать исполнилось, - возражает Есения и тут же прикусывает язык.

Вот это уж точно звучало по-детски.

Бабушка игнорирует ее небольшое замечание. Ее губы нервно подрагивают.

- Почему так? Я тоже многого не понимаю. Если хочешь знать, на мой взгляд, эта мелочь не стоила того, чтобы применять магию. Но я увидела, что ты должна была быть там. Значит, так и должно было случиться.

Ее голос приобретает жесткие нотки. Будто в каждой фразе продеты тонкие звенящие нити серебра.

- Ради жвачки? – воскликнула Есения.

- Да ради чего угодно! – повысила голос бабушка. – Нам не дано знать, почему именно эта ситуация. Все, что от нас требуется – выполнять! А не заниматься самодеятельностью!

- Но ведь это было один раз! – горячо возражает Есения. – За один раз не случится ничего плохого!

Бабушка вздыхает.

- Я уже говорила тебе: когда ты используешь силу по своей воле, а не по воле Видящего, ответственность за это несешь ты. И платить за эту силу тоже тебе. Кто знает, что может случиться?

- Не пугай меня, мне не страшно! – говорит Есения, подходя к двери. Ее ладонь ощущает гладкую деревянную поверхность.

Когда-то у бабушки был магический дар, и Есения понимала – она знает, о чем говорит. Зрение стало ее платой за то, чтобы *увидеть*. А Есения – ее руками, творящими добро.

Бабушка остается неподвижной. Есения выходит, проведя напоследок пальцами по дверному косяку.

«...Много думаю о бабушкиных словах. Это же действительно нечестно! У тебя есть сила, возможность помочь, но нет – нельзя!», - записывает Есения, покусывая колпачок ручки.

Хорошо, что бабушка не может прочитать ее дневник – мысли здесь иногда бывают крамольными.

Иногда все же Есении кажется, что та и так прекрасно знает, о чем она пишет – все же Видящие не просто так называются Видящими. Если и так, то она никогда об этом не говорит. И спасибо ей хотя бы за это.

Дневник, впрочем, ведется от случая к случаю. У Есении просто не хватает дисциплины, чтобы садиться и записывать каждый день.

Ей это и не нужно – гораздо больше она любит фотографировать. Записи встречаются не так часто, а вот фото она клеивает за каждый день, пусть и надо ходить и распечатывать их.

Оставив на странице место – она уже решила, что там будет фото белки, Есения дописывает сбоку случайные мысли, которые ей хочется запомнить.

«Иногда мне хочется ходить по улице и смотреть на людей. Чем больше я наблюдаю, тем больше мне кажется, что люди изо всех сил стараются замаскироваться. Некоторые из них яркие, выделяющиеся из толпы, но потухшие внутри, со страданием во взгляде. А некоторые наоборот – простые внешне, а внутри сияющие, как маленькое солнце. За это я их и люблю. В них есть загадка, которую хочется разгадать».

- Ой! – вскрикивает Есения и роняет ручку, ощутив прикосновение холодного носа к ноге. – Миндаль, ты чего пугаешь?!

Кролика испуг не смущает. Он усаживается у ее ноги и, оперевшись теплым пушистым боком, принимается глубокомысленно умыться.

Кролики должны быть пугливыми. Это аксиома, закрепленная в животном мире, но Миндаль, похоже, не знает об этом. По поведению он всегда больше напоминал кота, чем кролика: Миндаль любил подойти и ткнуть ее носом в руку, тонко намекая, чтобы его погладили. Когда она ложилась на кровать с книгой, Миндаль запрыгивал и ложился недалеко от ее рук. Пока она читала, кролик всегда лежал рядом, а в его выпуклых темных глазах отражался свет.

Есения сползает на пол и гладит кролика по пушистой шерстке. Спинай она опирается на письменный стол, который ощущается не очень приятно, но ради Миндаля можно и потерпеть. Все равно голова немного кружится, как и всегда после использования дара.

Комната у Есении небольшая, а когда опускаешься на пол, она кажется еще меньше. Самое любимое ее место в комнате – письменный стол рядом с окном. С ее ракурса сейчас прекрасно видны поблекшие каракули, нацарапанные на нижней поверхности столешницы. Это сделала сама Есения, когда еще была настолько маленькой, чтобы свободно помещаться под столом и, задрав голову, разрисовывать ручкой дерево. Временами она любит заглядывать под столешницу и смотреть на эти бессмысленные рисунки. Небольшой привет из детства.

Над столом висит пробковая доска, туда она наклеила кучу фотографий и наклеек. Сбоку небольшой шкафчик, тоже обклеенный стикерами – особенно она любит с растениями и звездами.

Рядом со столом стоит клетка Миндаля, в которой он проводит минут пять за весь день. Кролик не любит бегать, но он с удовольствием лежит под письменным столом, сливаясь коричневой шерстью с темнотой. Его выдает только белое пятно на мордочке, мерцающая в полумраке как светоотражатель на детском рюкзаке. Есению это пятно смешит – ну правда, на полностью темном кролике – одно белое пятно! Будто природа решила, что он должен быть пятнистым, но после первого пятна передумала.

По комнате художественно расставлены небольшие цветочные горшочки. Последнее время она увлекается... нельзя даже сказать «садоводством» или «выращиванием растений». Она увлекается чувством создания чего-то нового. Каждый появившийся из земли росток – ее небольшая победа.

Против воли Есения задумывается о белке. Она сама не знает, почему переживает. Ну что может случиться со зверьком в парке? Но тревожный голосок памяти нашептывает бабушкины слова: «Кто знает, что может случиться?». За себя она почему-то не боится.

- Глупая я, Миндаль, - говорит Есения, почесывая кролика. – Но, может, все-таки сходить? Все равно надо фото распечатать.

Миндаль жмурится. Ему-то точно нет дела до какой-то непонятной белки в парке. Есения надевает на него прогулочную шлейку и, взяв кролика на руки, пытается тихо пробраться к входной двери.

- Есения! Ты куда? – тут же реагирует бабушка.

Не вышло.

- За фотографиями и заодно прогуляюсь с Миндалем!

- В парке?

- Да! – отзывается Есения, торопливо справляясь со шнурками. Нужно уйти как можно быстрее, не дав бабушке шанса расспросить подробнее. Почему-то Есения чувствует, что бабушка посчитает ее опасения глупыми и ничего не стоящими. Узкий браслет, тот, который бабушкин, мешает и раздражает. Она снимает его и оставляет на тумбочке у входа. Вернется – наденет снова.

- Не ходи в глубину парка! Ни при каких обстоятельствах! Ты меня поняла?

В ее голосе звучит испуг. Пальцы Есении замирают, зашнуровав ботинки наполовину. Если бабушку что-то напугало.., то ее слова, вероятно, *не совсем ее*. Бабушка, как Видящая, прекрасно ощущает опасность.

- Есения, ты меня поняла? – бабушкин голос приобретает стальные нотки.

- Да, хорошо! – откликается она, торопливо делая мысленную отметку. Не ходить в глубь парка. Да она и не собиралась.

На улице шлейка Миндаля оказывается предательски перегрызена. Есения укоризненно смотрит на кролика, совсем не выглядящего виноватым. Возвращаться не хочется.

Есения бросает быстрый взгляд на окна своей квартиры. Бабушки не видно, но... кого она обманывает, бабушка все равно узнает.

- Ну и ладно! – фыркает Есения. – Расплачиваться все равно мне, а не ей.

Она касается потеплевшими пальцами шлейки, поглаживая расплзшиеся нитки, снова становящиеся единым целым. Руна на браслете-талисмানে нагревается. Кожу запястья обдает теплом.

Миндаль обнюхивает восстановившуюся шлейку и презрительно чихает. Весь его вид говорит о том, что целой она пробудет недолго.

С фотографиями она справляется быстро, и они занимают свое место в рюкзаке. До парка минут десять ходьбы, так что дорога не кажется долгой.

У скамеек Есения спускает кролика с рук. Миндаль любознательно нюхает опавшие листья. Есения терпеливо наблюдает за ним. В последнее время она берет Миндаля на прогулки почаще, пока не очень холодно. Потом начнутся вечные дожди и слякоть, а за ними – бесконечная зима.

Краем глаза она наблюдает за деревьями, где сегодня видела белку. Есения и сама не знает, на что надеется. Говорят, даже в одну реку нельзя войти дважды, а она хочет найти белку на том же месте, где та была несколько часов назад. На огромной территории парка. Величайший самообман.

Голова чуть кружится и, проведя рукой по носу, Есения видит пару размазанных капель крови. Последнее время у нее часто идет кровь из носа. Есения сдается и ищет глазами скамейку, чтобы присесть вместе с кроликом. В паркелюдно, так что единственное свободное место оказывается рядом с пожилым мужчиной, меланхолично смотрящим вдаль.

Есения бросает на него быстрый взгляд. Мужчина потухший. В глубине его глаз – только болезненное смирение. Ветер треплет его короткие седые волосы, торчащие редющим ежи-

ком, но мужчина этого будто не замечает. Даже не надевает шапку, а зачем-то прижимает ее к груди.

Когда Есения опускается на скамейку, он не шевелится, не заметив ее присутствия. Миндаль встряхивает ушами и начинает умывать мордочку.

- С кроликом гуляете? – словно очнувшись от сна, спрашивает мужчина.

Есения осторожно кивает, улынувшись. Смысл очевидных вопросов всегда в том, чтобы найти повод заговорить. Мужчина осторожно протягивает руку. Миндаль принимает поглаживания благосклонно. Только шевелящийся нос выдает легкую настороженность

- Расскажите о нем что-нибудь, - внезапно просит мужчина, поднимая на нее глаза. Совсем светлые, почти прозрачные. Есению такие глаза пугают. Кажется, что сквозь них можно увидеть душу.

- Ну... Его зовут Миндаль. Миндаль любит спать на диване целыми днями. Я иногда вывожу его на улицу, - осторожно начинает она, – чтобы побегал, а то засидится совсем.

Мужчина слушает, опустив седеющую голову. Его пальцы мелко подрагивают.

Есения продолжает говорить, но он будто не слушает. И все же, она чувствует, что не может остановиться, пока не может. Его погасшие глаза не дают замолчать. Ему это нужно.

- Миндаль любит сушеные фрукты... особенно яблоки. Да, больше всего Миндаль любит яблоки. Он без ума от них.

Она замолкает, не зная, что говорить дальше, но мужчина внезапно оживляется, растягивая потрескавшиеся губы в улыбке.

- Моя внучка тоже хотела кролика. Она маленькая еще, не такая, как вы. Одиннадцать лет. В музыкальной школе учится.

В его голосе звучит глухая, забитая гордость.

- Молодец она, - улыбается Есения.

- Молодец, - эхом откликается мужчина. – Не знаю, где она сейчас. Давно уже не видел. Кажется, год... Не помню.

Он замолкает, снова глядя вдаль. Есению затапливает жалость и ощущение несправедливости. Ее пальцы находят браслет и привычно теплеют, когда она заглядывает в глубину глаз мужчины, попросив, чтобы ему стало легче.

Его глаза оживают. Совсем немного. В его холодных глазах ворочается что-то тяжелое и подавленное.

Он качает головой, ранено улынувшись самому себе и уходит, не сказав больше ни слова. Есения смотрит вслед и ее душит чувство разочарования. Магия не помогла так, как она ожидала.

Прежде чем она успевает подумать, ее руки достают телефон и делают фото уходящей вдаль фигуры в темном плаще. Ей хочется помнить. Хочется думать об этой случайной встрече и том, что она значила.

В наш век фотографии уже не ценятся как раньше. Можно запечатлеть что угодно одним нажатием. Мгновенно. Раньше людям приходилось часами стоять на одном месте. Все ради того, чтобы сделать зарубку в памяти и остановить течение времени хоть на чуть-чуть. Запечатлеть себя в том моменте, где ты был счастлив, молод и полон жизни.

Фото выходят не идеальными, но такие она и собирает. Красивые постановочные фотографии для нее ощущаются неживыми. Слишком много на них подготовки. Самые искренние – смазанные, сделанные второпях снимки.

Ее руки безвольно лежат на коленях. Миндаль, обнюхивает их, замирает и резко, будто почувствовав слабость, срывается с места.

- Миндаль! Стой!

Кроличий хвост мелькает светлым пятном в траве. За ним тащится шлейка. Есения бросается следом. Она старается не думать о том, что Миндаль ведет ее в глубину парка. Туда, куда она пообещала бабушке не ходить ни при каких обстоятельствах.

Есения пытается хотя бы держать его в поле зрения, куда уж там поймать – кролики рождены для того, чтобы убегать, все же они – профессиональные жертвы. Она слышит за спиной птичье клекотание.

Пожелтевшая трава путается под ногами. Светлая новенькая ветровка цепляется за ветки. Холодный воздух обжигает горло, заставляет задыхаться и кашлять.

- Миндаль!

Клекот раздается прямо у ее уха. По глазам бьют упругие перья. Есения отмахивается, инстинктивно зажмурившись. Когти процарапывают на руке длинные полосы. Первое, что она видит, когда распахивает глаза – замерший в траве кролик. Она падает, напаривая Миндаль и бесцеремонно прижимая к себе. Испуганный зверек даже не сопротивляется.

Птица кричит снова. Воздух свистит от толчков крыльями. Есения пытается заставить магию откликнуться, но не ощущает ничего. Никаких следов дара.

Ее пальцы вслепую шарят по запястью, ища браслет, но его там нет.

Опавшие листья похрустывают под прыжками тяжелых лап. Есения оглядывается и встречает тяжелый взгляд желто-коричневых глаз. Сначала ей кажется – большая собака. Но потом взгляд выхватывает прямой длинный хвост, серебряный отлив шерсти и узкую, *волчью*-морду. В следующий момент, она видит ее совсем близко, прямо перед лицом. Птица взлетает, испугавшись зверя.

Волк провожает ее взглядом и поворачивает голову к Есении. В его зрачках ничего не отражается. Почему-то именно об этом она думает, глядя в немигающие глаза волка.

- Ты... что здесь делаешь? – Она старается, но голос все равно дрожит.

Откуда взяться волку в парке в центре города? Она перепутала, точно перепутала, это не может быть волк. Просто большая собака...

- Агата! – окликает негромкий голос. Тяжелый голос.

Парень ступает по листьям тихо. Высокие военные ботинки скрадывают шаги. «Почему военные ботинки носят не только военные, а вообще все подряд? В чем тогда смысл названия?», - лезут дурацкие мысли в голову. Видимо, от пережитого потрясения.

- Рядом.

Волк подбегает к нему, усаживаясь у ноги. Морда виновато опущена. Он касается ее загривка, кончиками пальцев пробегаясь по шерсти. Парень поднимает взгляд на Есению и усмешка с привкусом горечи искажает его лицо.

- Что, все-таки потеряла талисман?

Глава 2. О маленьких кафе и красных пятнах.

Есения прижимает к себе испуганного Миндаля. Шерсть у кролика встопорщена, глаза широко распахнуты. Пусть он никогда и не видел волков, но инстинкт, переданный предками, подсказывает, что серебристая шерсть и желтые глаза – смертельная опасность.

- Откуда у тебя волчица? – вырывается у Есени. Пальцы механически поглаживают кролика. Тот не желает успокаиваться. Наверное, думает, что это план коварной волчицы – усыпить бдительность, а потом напасть. Волчица, впрочем, не обращает на кролика внимания, улегшись у ног парня. Странно для хищника.

- Что-то имеешь против? – тут же напрягается парень.

Есения пожимает плечами. Ее глаза скользят по нему. Изучают. С первого взгляда не сказать, чтобы он выглядел как человек, который ходит по городу с волком. Но чем больше она вглядывается в его черты, тем больше понимает, что никто другой не подошел бы на эту роль лучше.

Единственное слово, которое приходит на ум при виде его – цельный. Он отдаленно напоминает статую, вырезанную скульптуром из жесткого, неподатливого дерева. Резкие черты, чуть сглаженные плавной линией темных бровей и еле заметной горбинкой на носу. Давящая линия челюсти. Если у идолов славянских богов были лица или их подобие, то это – единственное, с чем она могла бы его сравнить.

В его темном силуэте только одно яркое пятно – полыхающий красным капюшон осенней куртки. Сначала Есения приняла его за неформала, но теперь в глаза бросается небрежность образа, а вовсе не приверженность субкультуре – надел то, что понравилось и пошел. Растянутая футболка с невероятно банальной надписью «Brooklyn» под курткой тому подтверждение.

Но главное не это. Есения пробегается глазами по его лицу. Складка между бровей – привычка хмуриться. Напряженная челюсть и испытующий, проверяющий на прочность взгляд. Глаза хищника, готового наброситься в любой момент.

Есения встает с ковра листьев, неловко отряхиваясь одной рукой. Плавно, чтобы не спровоцировать. Волчица у ног парня тихо рычит, не открывая пасти. Звук получается похожим на кипение чайника.

Смешок срывается с губ Есени быстрее, чем она успевает подумать. И на лице появляется она – та дурацкая улыбка, которую не раз запечатлевали на случайных фотографиях. Нельзя сказать, что Есения ее не любит. Просто эта улыбка – она сама, выраженная в паре движений лица. Неловкая, с робкой надеждой на понимание в глубине глаз.

Его лицо слегка смягчается. Буквально на два процента от возможного.

Есения цепляет взглядом кровоточащие царапины на тыльной стороне ладони. По привычке хватается за левую руку, ища пальцами знакомый рисунок руны и шершавость браслета и только теперь осознает произошедшее.

- Вот блин! – стонет она. – И что теперь делать...

Голову заполняет привычное беспокойство. Оно сжимается в тугую, пульсирующую комоч где-то за грудиной, разносясь с кровью по телу.

Она оглядывается, вертится вокруг себя, надеясь увидеть браслет на земле. Присаживается на корточки снова и разгребает мерзлые листья, пока пальцы не леденеют окончательно. Но на земле ничего нет. Талисман исчез.

Парень и волчица молча наблюдают за ней. Наконец, Есения сдаётся и замирает, содрогаясь всем телом от пронизывающего ветра. Только сейчас приходит боль в руке, и Есения смотрит на нее с отстраненным удивлением.

- Бабушка меня убьет.

Голос подрагивает, но она поднимается и старается взять себя в руки, хотя паника и бьется внутри. Она, в конце концов, не настолько слабачка, чтобы разрыдаться перед незнакомым парнем с хмурым лицом.

- Ты откуда вообще тут взялся? – уводит она разговор в сторону, отрешенно рассматривая царапины. Немного кровоточат, но не критично. По-хорошему, нужно бы вернуться домой и промыть... но как вернуться без талисмана?

Конечно, бабушка обо всем узнает. Возможно, даже уже знает.

Есения изучает царапины так тщательно, что, кажется, скоро сможет видеть их и с закрытыми глазами. Это лучше, чем думать о том, что у нее больше нет магии. Даже несмотря на тянущую боль, вгрызающуюся в руку.

Еще с детства она прекрасно знает важнейшее правило: чтобы заглушить одну боль, нужно испытать другую. Есения предпочитает физическую боль душевной. Всегда предпочитала.

Парень, похоже, даже не замечает, что она расстроилась. По крайней мере, его выражение лица не меняется. Ни одного движения мимических мышц. Ветер вокруг шуршит листьями, а он все молчит. Тишина повисает в воздухе.

- Я тебя заметил сегодня в магазине. Эту твою благотворительность, с жвачками. – Его голос звучит насмешливо. – И решил проследить.

- Зачем?

Он склоняет голову вбок и прищуривает глаза, изучая ее. От явной, сквозящей иронии, Есения, кажется, должна потеряться и почувствовать себя несмыслённым ребенком. Вместо этого она задирает подбородок, смело разглядывая его глаза.

Если рассматривать крапинки на радужной оболочке и думать о том, на что похожи глаза, то никакое давление не страшно. Мысли улетают вдаль, и тебя уже никто не достанет.

- Не ты одна потеряла талисман. По городу ходят слухи... кто-то похищает их уже давно. В последнее время – почти каждый день.

Есения хмурится, отгоняя привязавшуюся озорную мысль, что его радужка напоминает ей тухлявое дерево.

- Откуда ты вообще про это знаешь? Ты что, тоже...?

Парень вытаскивает из кармана руку и разжимает ладонь. На ней подвеска на порванной посеребренной цепочке – три мелких косточки. По размеру – будто птичьих. Или мелкого животного. В чем она уж точно не разбирается – так это в костях.

- Не похож на человека с даром? – ехидно интересуется парень.

Есения качает головой. Ей сложно представить, чтобы такой как он изо дня в день творил мелкие чудеса. Хотя, может она просто судит по внешности?

Есения мысленно ругает себя. Кому как не ей знать, что внешность обманчива. За жизнь она видела множество улыбающихся людей. И в груди у многих сидели тоскливые, затхлые мысли, что было бы неплохо однажды не проснуться.

- Я не занимаюсь той фигней, о которой ты думаешь. Вроде спасения котят и возвращения украденных жвачек. Мы с Агатой сами по себе.

Парень хлопает волчицу по холке. Она тут же сует морду в его ладонь, очевидно выпрашивая поглаживание.

Есения удивленно наблюдает за ним. Всю жизнь ей казалось, что все люди с даром живут так же, как она. С раннего детства, еще до передачи талисмана, бабушка втолковывала, что магию можно творить только по разрешению Видящего. Только во имя добра и помощи отчаявшимся людям.

Конечно, Есения не была идеально послушной. С тех пор, как она получила дар, она жила магией. Осознанием того, что все это и правда существует - все эти маленькие чудеса.

Возможно, если бы талисман был способен на большее, ее мечты были бы гораздо амбициознее. Сделать счастливыми абсолютно всех разом, например. Но увы, все, что он мог – мелочи, вроде залечивания царапин или поиска потерянных ключей.

Последние месяцы она начала серьезно испытывать ограничения на прочность. Раньше Есения не решалась применять магию для себя.

И вот теперь она стояла в беспорядочно взлохмаченной куче листьев и смотрела на человека, живущего наперекор всем бабушкиным правилам.

- Расскажи про свой дар! – просит Есения, доверчиво глядя ему в глаза.

Привычно задержав дыхание, она смотрит ему в глаза и ищет – согласится он или нет? Привычно нырнув в глубину чужих глаз, потерявшись в желтоватых крапинках радужки, она находит ответ. В этот раз совсем быстро.

Парень коротко мотает головой.

- Нет.

Он свистит, подзывая волчицу и, сунув руки в карманы, идет прочь. Есения остается позади, недоумевая.

Ответ был не таким.

- Стой!

Опомнившись, она догоняет парня, на ходу отряхивая с одежды листья.

- Разве тебе не хочется поговорить с другим магом? – запыхавшись, спрашивает она.

- Нет.

- Ты врешь! – обвиняет Есения.

Парень оборачивается. Его глаза сверкают неожиданной злостью.

- И с чего ты это взяла?

Есения подавляет резкое желание отступить.

- Вижу тебя насквозь! – храбро заявляет она, гадая, получилось его убедить или нет.

Парень фыркает.

- Продолжай так думать, - насмешливо говорит он. – Пойдем, Агата!

Есения наблюдает за ними, возмущенно скрестив руки на груди. Парень оборачивается. Его лицо выглядит непроницаемо спокойным, хоть она и чувствует – он смеется.

- Ты тоже не отставай.

Есения кусает фисташковое мороженое, ощущая как сводит зубы. Плата за жадность. Волчица наблюдает за ней из-под стола. Есения старается поменьше шевелиться – кто знает, вдруг волчицам нравятся неловкие девушки с запахом фисташек на обед?

Парень постукивает пальцами по столешнице. На его губах – легкая ухмылка. Интересно, и куда подевалось отсутствующее выражение лица? Может, он из сказки Андерсена? Похищенный мальчик с льдинкой в сердце?

- Куда-то торопишься?

- Просто... мое любимое... - объясняет Есения, пытаясь проглотить мороженое.

Они сидят в небольшом кафе недалеко от парка. Есения часто здесь бывает – заходит посидеть с чашкой зеленого чая и попробовать всегда теплые булочки с корицей и сахарной пудрой. Здесь очень легко читаются книги - атмосфера настраивает на грустно-лирическое настроение.

Кафе принадлежит милой женщине. Есения часто видит, как она болтает с более общительными посетителями и смеется над их шутками. Ей самой всегда не хватает смелости и непринужденности, чтобы заговорить первой. Поэтому и хозяйка тоже молчит, лишь бросая короткий взгляд, когда принимает заказ.

Есения влюбилась в это место, как только вошла в первый раз. Строго говоря, ее привели, но знакомая, показавшая ей кафе, скоро перестала туда ходить.

На стене небольшого зала – огромный рисунок красками, выполненный легкими, сине-нево-белыми тонами. Летящий воздушный шар с корзиной, усыпанной полупрозрачными фиалками. По залу разбросаны белые столики с плетеными стульями – стиль «прованс», так горячо любимый Есенией.

Парень откидывается на плетеную спинку стула. Как же ему не подходит «прованс», мысленно закатывает глаза Есения.

Он скептически смотрит, как она доедает мороженое, вздыхает и роняет сухое:

- Анджей.

- Что? – Есения вскидывает на него непонимающий взгляд.

На его лице написано легкое раздражение от того, что придется проронить еще несколько слов. Пословицу «слово – серебро, молчание – золото» явно придумал кто-то похожий на него.

- Я. Анджей, - повторяет он. Брови сведены, будто злитесь, но насмешливая полуулыбка его выдает.

- А... А я Есения. Надо было сразу спросить твое имя, но меня отвлекла волчица. И... талисман.

Это звучит как достаточное оправдание. Она не сильна в том, чтобы заводить новые знакомства, но тут-то причина забыть спросить имя была *действительно* серьезной.

Он фыркает.

- Есения? Родители так сильно любили «Белую березу под моим окном»?

- А твои, видимо, любили книги про ведьмака.

- Просто польское имя.

- Так ты поляк? – поднимает она брови.

Он смеется (хотя и непонятно, что именно его рассмешило), но его взгляд не отрывается от ее лица ни на секунду, и он такой тяжелый, что в горле собирается комок.

Миндаль шумно возится в сумке-переноске. Волчица тихонько рычит. Близость кролика ее будоражит.

- По матери.

Повисает неловкое молчание. Анджей выжидает, покачивая ногой под столом. Движение настораживает волчицу еще больше. Желтые глаза неотрывно следят за его коленом.

- Как ты пользуешься даром? Ты не помогаешь другим?

Анджей медлит. Есении кажется, что она идет по узкой тропинке посреди болота. Один неосторожный вопрос – и свалишься в топкую, затягивающую ложь.

- Выживаю, - отвечает он. - Временами дар помогает.

- Но... разве дар можно использовать только для себя? Я сама использую, - спешит оправдаться она, - но есть же последствия! Видящие должны нас наставлять...

Анджей усмехается.

Волчица теряет терпение и толкает его колено носом, прихватив зубами штанину. Анджей прихватывает ее за загривок, легонько встряхивает и тут же отпускает. Его рука остается на холке волчицы.

- Будь хорошей девочкой! – буднично говорит он Агате. Та недовольно урчит в ответ.

Выпрямившись, он продолжает как ни в чем ни бывало:

- Ты сама-то веришь в то, что делаешь, или просто бабушка так сказала?

- Верю, - упрямо говорит Есения. – И я действительно помогаю людям.

«В отличие от тебя», так и рвется с губ. Но она сдерживается. Анджей хмыкает. Его пальцы сжимают волчью шерсть в кулаке, но лицо остается расслабленным.

- Единственный Видящий, которого я знал, умер. Поэтому меня никто не учил, что если у тебя дар, ты должен не дать маленькой воришке спереть жвачку.

- Ты так над всеми смеешься? – не выдерживает Есения.

- Может, только над тобой, - пожимает плечами Анджей. – Захотела поговорить о даре.

Подумать только.

- Тебе не нравится об этом говорить?

- Не нравится, - признает он.

Есения усилием воли заставляет себя не злиться, хотя внезапно это становится очень трудно. Она рывком встает и поднимает переноску. От потери опоры Миндаль беспокойно шевелится. Волчица громко клацает зубами.

- Тогда приятно было познакомиться.

Она не видит смысла в фальшивой улыбке, поэтому даже не пытается скрыть раздражение.

Анджей не отвечает. Просто смотрит своим дурацким испытующим взглядом, и это бесит еще больше, чем если бы он продолжал говорить.

К ним подходит владелица кафе. Обеспокоенно-взъерошенная, как и всегда. Чем-то напоминающая бойкого круглого воробья. На ее пухловатом лице легкое опасение.

- Можно попросить вас вывести собаку на улицу? Посетители... пугаются.

Анджей лениво встает, натягивая куртку. Волчица радостно подскакивает. Ей, видимо, порядком наскучило сидеть под столом, где ничего не происходит.

- Это не собака, это волк, - говорит он и идет к выходу из кафе. – Агата!

Волчица бежит за ним. Прямой хвост колышется в воздухе, четко обозначая ее видовую принадлежность. Тем, кто знает, разумеется.

Хозяйка кафе нервно вздыхает.

Сорок. Тридцать девять. Тридцать восемь.

Вместе с отсчетом светофора Есения считает падающие листья. Посреди пешеходного перехода – большая лужа. Она задумывается о том, насколько просто увидеть душу человека благодаря обычной луже. Некоторые пойдут обходить ее, чтобы остаться чистыми. Любители порядка как в своей жизни, так и в чужой. Некоторые перепрыгнут – это те, чьи души еще горят светом, оставшимся с детства.

Анджей же прошел по луже, будто не заметив ее. «Вижу цель, не вижу препятствий», - мысленно перевела Есения.

Есть и другая трактовка такого варианта. Еще так поступают погасшие. Люди, которым уже без разницы.

Идти рядом и молчать кажется нелепым. Они уже почти попрощались, не обменявшись никакими контактами. Первая и последняя встреча. Теперь ей придется вернуться к бабушке и, выслушав нотации о потерянном талисмানে, думать, что делать дальше.

Если говорить честно, парень ее *слегка* раздражает, так что она не жалеет, что знакомство так быстро закончилось. С момента получения дара Есения видит много новых людей каждый день. Каждый день она помогает кому-то не стать жертвой обмана. Не потерять важную вещь.

Люди текут сквозь ее жизнь, как вода сквозь пальцы.

Толпа перед пешеходным переходом собирается большая. Когда загорается зеленый, она осторожно движется вперед вместе с потоком людей.

На Есению против воли накатывает чувство умиротворения. Она ощущает себя частью большого и шумного города. Это происходит не так часто, слишком уж она оторвана от общества своей тайной.

Магия делает ее другой. Делает ее тем, кто она есть.

Делала.

Магии больше нет.

Глаза выхватывают покачивающийся брелок на чем-то рюкзаке. Котенок. Вытаращенные пластиковые глаза. Услужливая память подкидывает сегодняшнее утро. Девочка из очереди в супермаркете.

Она торопливо лавирует в толпе перед ними. Левая рука сжата в кулак. Солнце высветляет пару звеньев посеребренной цепочки между ее пальцев. Есения видит знакомые мелкие косточки.

Остановившись как вкопанная, она цепляется за куртку Анджея, уже собравшегося уйти и ловит его взгляд.

Каким-то образом он все понимает, и повезло, что так, ведь она не может сказать ни слова. Рука Анджея хлопает по карману куртки и недоверчиво залезает внутрь. Он бросает на Есению взгляд, в котором гнездится подозрение.

- Талисман? – спрашивает она одними губами, уже зная ответ.

Лицо Анджея застывает каменной маской, отлитое в своей ярости. Долю секунды он всматривается в ее испуганные глаза. Быстро мотает головой – не ей, сам себе.

- Ты видела?...

Глаза Есении против воли находят девочку. Ее уже едва видно. Брелок-котенок подпрыгивает на каждом шаге.

Анджей все понимает.

- Агата! – коротко приказывает он и ускоряет шаг, собираясь сорваться с места.

- Ты ей ничего не сделаешь?

Есения испуганно вцепляется в его плечо. Его бешеный взгляд заставляет тут же разжать пальцы. Словно кипятком по коже.

- Она ребенок, ей лет двенадцать, не больше! – лихорадочно говорит она, срываясь на шепот. – Не злись так сильно, не надо...

Последние слова звучат так по-детски наивно, так искренне, что удивляют ее саму.

Он вырывает руку, но движение не злое – просто резкое. Не сказав больше ни слова, Анджей срывается с места. Волчица бежит за ним, не отставая ни на шаг.

Есения смотрит им вслед, смотрит, как он оббегает людей впереди. Непокорная капля воды наперекор размеренному потоку.

Беспокойство грызет ее сотней маленьких клычков. Царапины на руке пульсируют, вспыхивая тянущей болью. Миндаль шурши

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.